

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯЗЫКОВ МАНДЕН В ЯЗЫКЕ КЛА-ДАН¹

1. Введение

В статье будет описан ряд контактных явлений внутри языковой семьи манде, а именно грамматические особенности языка кла-дан, свидетельствующие о контактном влиянии со стороны языков манден.

Семья манде насчитывает от 60 до 70 языков, в зависимости от того или иного решения вопроса о статусе некоторых идиомов как языков vs. диалектов. Внутренняя классификация семьи имеет долгую историю. Различные варианты представлены в работах [Welmers 1958; Поздняков 1978; Dwyer 1989; Grégoire & de Halleux 1994; Kastenholz 1997; Vydrine 2009]. Последняя из классификаций, осуществленная В. Выдриным, основана на применении метода глоттохронологии к полному 100-словному списку Сводеша, составленному на основе этимологического словаря семьи манде [Vydrine Ms.]. Генетическое древо семьи манде, составленное на основе данной классификации, в упрощенном виде выглядит следующим образом (схема дана по: [Коношенко 2015]):

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 14-04-00488.

Кла-дан входит в диалектный континуум, или макроязык, дан, являющийся самым большим по числу носителей среди южных языков манде. Помимо дан в южную группу, относящуюся к юго-восточной ветви семьи, входят такие языки, как мано, тура, муан, гуру, яурэ, уан, бен, гбан. Языки манден относятся к западной ветви семьи манде. В состав группы манден входят мандинка, бама-на, хасонка, дьюла, конья, марка-дафин, мау, манинка и др.

Число носителей кла-дан составляет около 25 000 человек в Кот-д'Ивуаре (по оценке 2001 г.) и 20 000 в Гвинее (по оценке 2012 г.). Большинство носителей кла-дан билингвы и владеют соседними идиомами манден: в Кот-д'Ивуаре — мау, в Гвинее — конья.

Языки манден являются изолирующими и аналитическими, крайне бедная морфология и отсутствие словоизменения компенсируются здесь жестким порядком слов. Языки южной группы, с одной стороны, также характеризуются жестким порядком слов, типично глагольные категории (вид, время, модальность) выражаются здесь различными элементами клаузы, такими как спрягаемые предикативные показатели (далее СПП), операторы, вспомогательные глаголы, форма смыслового глагола. С другой стороны, южные манде демонстрируют сильные тенденции к флективности и синтетизму: мы видим здесь значительное количество фузионных процессов и активно развивающуюся морфологию.

В кла-дан наблюдается ряд явлений, свидетельствующих о контактном влиянии языков манден. Среди них можно отметить следующие:

- отсутствие логофорических СПП;
- наличие префиксального морфологического показателя каузатива;
- наличие грамматической пассивной лабильности;
- суффикс отрицательного причастия *-bɛ́ɛ́*.

Рассмотрим их более подробно.

2. Отсутствие логофорических СПП

В близкородственных языках дан — дан-гуэта и дан-бло, а также в языке тура имеются логофорические СПП / (субъектные) местоимения. Логофорические СПП / местоимения в прототипическом случае обозначают кореферентность подлежащего придаточного предложения подлежащему главного, при том что в качестве предиката главного предложения выступает глагол речи, мысли, желания и т.п. [Выдрин рук.]:

(дан-гуэта)

(1a) $Y\ddot{a}_i$ $p\ddot{x}$ \bar{y}_i
 3SG.EXI > 3SG.NSBJ говорить\NTR LOG.SG.EXI

dó-sīl̄.

уходить-DUR

‘Он_i говорит, что он_i уходит’ [Выдрин рук.].

Употребление СПП 3 лица, напротив, указывает на некорреферентность подлежащего вложенной клаузы подлежащему главной клаузы:

(дан-гуэта)

(1b) $Y\ddot{a}_i$ $p\ddot{x}$ $y\ddot{j}$
 3SG.EXI > 3SG.NSBJ говорить\NTR 3SG.EXI

dó-sīl̄.

уходить-DUR

‘Он_i говорит, что тот_j уходит’.

В дан-гуэта и дан-бло логофорические СПП выделяются во всех сериях, различающих тоны локуторов и нелокуторов. Там, где тональное противопоставление локуторов и нелокуторов не перекрывается грамматическими тонами, нелокуторы отличаются от локуторов более низким тоном. Что же касается логофоров, то по сегментной форме они оказываются близкими к соответству-

ющим СПП-нелокуторам, а по тону — к локуторам [Выдрин 2006; Выдрин рук.].

Приведем в пример систему СПП дан-бло (см. табл.²).

Логофорические СПП представлены в дан-бло в следующих сериях: экзистенциальной, перфектной, оптативной, перфективно-отрицательной, предиктивно-отрицательной, интенциональной. В имперфективно-отрицательной серии, где логофоры отсутствуют, высокий тон характеризует СПП всех лиц и чисел, перекрывая тоновые противопоставления внутри серии. В императивной серии логофорические СПП отсутствуют, так как здесь нет и СПП 3 лица. Возьмем в качестве примера перфектную серию: здесь локуторы характеризуются высоким тоном, а нелокуторы — низким

² В таблице произведены небольшие изменения по сравнению с источником. Во-первых, сериям СПП даны наименования вместо номеров. Во-вторых, традиционно структура местоименной парадигмы и парадигмы предикативных показателей описывается в южных манде на основе двух независимых категорий — лица и числа, при этом в 1 лице мн. ч. различаются формы инклюзива и эксклюзива: первое означает «мы, включая адресата речи», второе — «мы, исключая адресата речи». Кроме того, различаются инклюзивное местоимение множественного числа («я и вы», «мы и ты», «мы и вы») и инклюзивное местоимение (1/2-го лица) двойственного числа («я и ты»). В таком случае местоименная парадигма выглядит следующим образом:

	Единственное число				Дв.ч.	Множественное число				
Лицо	1	2	3	лог./ рефл.	инкл.	1 экс.	1 инкл.	2	3	лог./ рефл.

Мы придерживаемся иной трактовки референции членов местоименной парадигмы, согласно которой если двойственное число отсутствует во 2 и 3 лице, так что местоимение 1/2 дв. оказывается единственной формой двойственного числа в языке, то введение двойственного числа ведет лишь к необоснованному усложнению системы. Таким образом, во множественном числе имеются следующие противопоставления:

1+2: говорящий и адресат (минимальное инклюзивное (minimal inclusive) «мы»)

1+2+3: говорящий, адресат и другие (расширенное инклюзивное (augmented inclusive) «мы»)

1+3: говорящий и другие (эксклюзивное «мы»)

2+3: адресат и другие («вы»)

3+3: многочисленные другие («они») [Cysouw 2001].

Система СПП дан-бло (по: [Выдрин 2006])

Лицо	Единственное число				Множественное число					
	1	2	3	лог.	1 + 2	1 + 3	1 + 2 + 3	2 + 3	3 + 3	лог.
Экзистенциальные	ā	ū	yŷ/yŷ/ ŷ	ŷ	kō	yī	kwā	kā	wō/ wò	wō
Сопряженные	á	ú	yŷ/ŷ	?	kó	yí	kwá	ká	wó	?
Перфектные	má	bá	yà	yá	kól	yíl	kwá	ká	wà	wá
Императивные	-	bŷØ	-	-	kô	-	kwâ	kâ	-	-
Оптативные	á	ú	yŷ/ŷ	yŷ	kó	yí	kwá	ká	wō	wó
Имперфективно-отр.	máá	báá	yáá	-	kól/ kólál	yíl/ yílál	kwáá	káá	wáá	-
Перфективно-отр.	Ńká	ūká	yāā	yŷká	kōl	yīl	kwāā	kāā	wāā	wōká
Предиктивно-отр.	Ńká	ūká	/yŷká	yŷká	kōká	yīká	kwāká	kāká	wōká	wōká
Интенциональные	áâ/ áâ	úû	yââ/yââ	yáâ	kól/ kól	yíl/ yíl	kwáâ/ kwáâ	káâ/ káâ	wââ/ wââ	wáâ

тоном; логофоры же имеют сегментную структуру, идентичную структуре СПП 3 лица, но характеризуются высоким тоном, уподобляясь локуторам.

Картина, сходная с той, что представлена в дан-гуэта и дан-бло, имеется и в языке тура, с той только разницей, что здесь адекватнее говорить не о СПП, а о субъектных местоимениях [Выдрин 2006].

Во всех упомянутых языках логофорические СПП / субъектные местоимения сближаются с рефлексивными местоимениями, входящими в парадигму несубъектных местоимений: и по форме (отсутствие тонального противопоставления с локуторами), и по содержанию (коррелятивность подлежащему клаузы). По-видимому, уже в праюжном манде рефлексивные местоимения, в отличие от несубъектных местоимений 3 лица, имели тон, идентичный несубъектным местоимения-локуторам [Выдрин 2006]. Рефлексивные местоимения существуют также и в кла-дан:

Лицо	Единственное число				Множественное число					
	1	2	3	рефл.	1+2	1+3	1+2+3	2+3	3+3	рефл.
несубъектные	ŋ	ɣ/ò	à	à	kò	yì/í	kùà	kà	àlù	wò/ò

Если несубъектные местоимения-нелокуторы противопоставлены по тону местоимениям-локуторам и имеют ультранизкий тональный контур, то рефлексивные местоимения имеют низкий тональный контур, уподобляясь в этом отношении локуторам.

Формирование же логофорических СПП / местоимений, произошедшее, очевидно, в результате экспансии рефлексивного местоимения 3 лица в субъектную позицию, следует отнести к уровню пра-западной подгруппы (дан-мано-тура)³ [Выдрин 2006]. Ожидалось бы их наличие и в языке кла-дан, где тем не менее

³ Логофорические местоимения имеются также в языке уан [Никитина 2001; Nikitina 2012], однако здесь их появление следует считать независимым и сравнительно недавним [Выдрин 2006]. Логофорическое употребление имеет рефлексивное местоимение в языке гуру [Там же].

они отсутствуют. Возможно, это отсутствие связано с влиянием языков манден, где логофорических местоимений нет.

3. Префиксальный морфологический показатель каузатива

В кла-дан существует морфологический показатель каузатива *lě-*. Он является превербом, восходит к относительному существительному *lě* ‘кончик, острое’ и омонимичен послелого *lě* ‘перед’.

Каузативизация при помощи показателя *lě-* является довольно регулярным словообразовательным средством, показатель *lě-* употребляется со всеми синтаксическими классами глаголов — непереходными, лабильными и переходными: *bʸ vi* ‘просыпаться’ > *lě-bʸ* ‘будить’, *dā vi, vt* ‘поднимать(ся)’ > *lě-dā* ‘поднимать’, *yrʸʸ vt* ‘привязывать’ > *lě-yrʸʸ* ‘привязывать’. Показатель *lě-* не употребляется с некоторыми глаголами с высокой семантической переходностью и с некоторыми глаголами мыслительной деятельности, речепроизводства и восприятия, например: *wū* ‘разбивать(ся)’, *bū* ‘бить друг друга, бить’, *flʸʸ* ‘лупить’, *zλ* ‘убивать’, *zḷ* ‘толочь’; *dḷ* ‘знать’, *yḷ* ‘принимать (ошибочно за кого-л.)’, *pʸ* ‘говорить’, *bḷ* ‘слышать; понимать’, *lḷ* ‘звать’.

Иногда каузативизация сопровождается некоторым семантическим сдвигом, например: *kḷ* ‘отказываться’ > *lě-kḷ* ‘запрещать’, *kū* ‘хватать’ > *lě-kū* ‘передавать’.

Отмечены также случаи лексикализации глаголов с превербом *lě-*: *bḷ* ‘снимать’ > *lě-bḷ* ‘брить’, *tā* ‘закрывать(ся)’ > *lě-tā* ‘заканчивать’, *kū* ‘хватать’ > *lě-kū 1* ‘начинать(ся)’, *lě-kū 2* ‘передавать’, *yḷ* ‘ломать (хворост)’ > *lě-yḷ 1* ‘завершать’, *lě-yḷ 2* ‘начинать танец’ (совершать движение, сигнализирующее о начале танца), *dḷḷ* ‘учить(ся)’ > *lě-dḷḷ* ‘качать (ребенка), играть (с ребенком)’ и др. Иногда из-за наличия лексикализованного глагола с превербом *lě-* употребление каузативного деривата с показателем *lě-* оказывается под запретом, однако это не всегда так. Так, в следующем примере глагол с превербом *lě-* может быть понят двумя способами: как превербный глагол с идиоматизированным значением *lě-dḷḷ* ‘качать (маленького ребенка)’ и как каузативный дериват от глагола *dḷḷ* ‘учить’:

(2) *Yüüfää̀lè yää́ zálí*
 Юфале 3SG.EXI > 3SG.NSBJ младший.сиблинг

lě-dǎ̀-ka.

перед/CAUS-учить-INF

‘Юфале качает своего младшего братика/сестренку’, ‘Юфале учит своего младшего братика/сестренку’.

Кроме того, существуют случаи, когда преверб *lě-* сохраняет семантику существительного, к которому восходит:

kúúú ‘резать’ > *lě-kúúú* ‘подрезать’ (букв. отрезать кончик),
bǎ́ ‘расчищать (при помощи мачете — дорогу, двор)’ > *lě-bǎ́* ‘расчищать по краю (при помощи мачете — обочины дороги, территорию вокруг дома)’.

В бамана имеется преверб *lá-*, являющийся регулярным словообразовательным средством и имеющий факитивное, интенциональное значение: *bálo* ‘жить’ → *lábalo* ‘растить, воспитывать, вызывать к жизни’, *búgun* ‘расти, увеличиваться’ → *lábugun* ‘выращивать, увеличивать’. В то же время имеется большое количество случаев лексикализации, когда дериваты имеют идиоматизированное значение, не выводимое из семантики производящей глагольной основы и преверба: *mìne* ‘хватать’ → *lámìne* ‘отвечать на приветствие’; *tìge* ‘резать’ → *látìge* ‘осуществлять’. В связи с этим дериваты на *lá-* оказываются иногда полисемичными, сочетая в числе своих значений композициональное и идиоматизированное. Эта ситуация напоминает глагольную деривацию в кла-дан при помощи преверба *lě-*, который, с одной стороны, является регулярным средством образования каузативных дериватов, а с другой — участвует в образовании новых глагольных лексем с семантически неаддитивным значением. Более того, совершенно очевидно, что преверб *lě-* приобрел каузативное значение именно под влиянием языков манде: в других южных манде префиксальный морфологический каузатив отсутствует. Морфологический каузатив есть только в языке гбан, но там он выражается суффиксом [Максим Федотов, л. с.].

4. Грамматическая пассивная лабильность

В языке кла-дан широко распространена глагольная лабильность — употребление глагола как в переходной, так и в непереходной конструкции без изменения формы глагола. Здесь встречаются декаузативный, рефлексивный, реципрокальный и пассивный типы лабильности. В отличие от первых трех типов, которые следует отнести к сфере лексики языка, пассивная лабильность представляет собой в кла-дан регулярную синтаксическую трансформацию, превращающую любую переходную конструкцию в непереходную, где исходное прямое дополнение перемещается в позицию подлежащего:

(3a) *Wééwò yà kùùlǎ lǐ zǐ yágbá dò*
 Вэво 3SG.PRF ложка PL мыть таз один

gú.

в

‘Вэво помыла ложки в тазу’.

(3б) *Kùùlǎ lǐ wò kà zǐ Wééwò gò.*
 ложка PL 3PL.EXI RETR мыть\NTR Вэво у
 ‘Ложки были вымыты Вэво’.

Наличие пассивной лабильности является фактически уникальной чертой языков манде; оно почти не встречается в других языках мира (без добавления к пассивному значению дополнительных семантических компонентов — модальных, аспектуальных и др.). В некоторых типологических работах, например, в [Haspelmath 1990], существование пассивной лабильности и вовсе отрицается. За пределами языковой семьи манде пассивная лабильность имеется в языке суппире семьи гур нигеро-конголезской макросемьи [Выдрина 2011], однако и здесь наличие пассивной лабильности, по-видимому, объясняется контактным влиянием языков манде, в окружении которых он локализуется [Cobbinah 2008].

В то же время внутри языковой семьи манде пассивная лабильность является чрезвычайно распространенным явлением. Помимо

кла-дан, она представлена также в джаллонке [Lüpke 2007], бама-на [Creissels 2009b], манинка [Grégoire 1985], коранко [Kastenholz 1987], тиеяхо [Blecke 1996], кабабе [Выдрина 2011], гуру [Кузнецова 2011], лоома [Мищенко 2012]. Однако если в южных манде пассивная лабильность, как правило, относится к сфере лексики, то в кла-дан она относится к сфере грамматики: по-видимому, это объясняется контактным влиянием языков манден.

5. Отрицательное причастие с суффиксом *-bɛ́ɛ́*

Отрицательное причастие образуется при помощи суффикса *-bɛ́ɛ́*:

(4) *Lɔ́ɔ́* *bàà-bɛ́ɛ́* *yáá*
 девушка приодеваться-NEG.PART 3SG.NEG.IPFV

lî *gò* *lî* *lã.*
 нравиться мужчина PL для

‘Плохо одетая девушка не нравится мужчинам’.

Этот суффикс, по-видимому, был заимствован из языков манден, где также имеется суффикс дезабилитивно-привативного причастия *-bali*. Это причастие в языках манден передает значение «не совершивший, неспособный совершить данное действие» в отношении агенса и «не подвергающийся и/или неспособный подвергаться данному действию; такой, на котором данное действие не реализовалось в полной мере; не находящийся в данном состоянии; такой, для которого данное состояние невозможно» в отношении пациенса [Vydrine 1999: 75].

6. Заключение

В статье были описаны несколько явлений языка кла-дан, нетипичных для южной группы языков манде или ее западной подгруппы. Это отсутствие логофорических СПП или субъектных местоимений, свойственных западной подгруппе южных манде;

наличие префиксального показателя каузатива и суффиксального показателя отрицательного причастия, отсутствующих в прочих южных манде; грамматический характер пассивной лабильности, которая в южных манде носит характер лексический. Все данные явления могут быть объяснены контактным влиянием со стороны языков манден.

Список сокращений

CAUS — показатель каузатива, DUR — показатель дуратива, EXI — экзистенциальная серия СПП, INF — суффикс инфинитива, LOG — логофорический СПП, NEG.IPFV — имперфективно-отрицательная серия СПП, NEG.PART — показатель отрицательного причастия, NSBJ — несубъектная серия местоимений, NTR — мена лексического тонального контура глагола в нейтральновидовой конструкции, PL — множественное число, показатель множественного числа, PRF — перфектная серия СПП, RETR — показатель ретроспективного сдвига, SG — единственное число.

Библиография

Выдрин В.Ф. Восточный якуба (дан-гуэта) // Языки мира: Языки манде. Рукопись.

Выдрин В.Ф. Личные местоимения в южных языках манде // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 2, Ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 333–419.

Выдрин А.В. Лабильность в языке какабе // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 7, Ч. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 174–217.

Коношенко М.Б. Лично-числовое согласование в языках манде: внутригенетическая типология: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2015.

Кузнецова О.В. Лабильность в языке гуро // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 7, Ч. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 263–278.

Мищенко Д.Ф. Глагольная система языка лоома (юго-западная группа семьи манде) в типологическом аспекте: Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. СПб.: СПбГУ, 2012.

Никитина Т.В. Система личных местоимений в языке уан // VI Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной

Азии и Западной Африки (25–28 сентября 2001 г.): Мат-лы и тез. докл. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2001. С. 95–106.

Поздняков К.И. Языки манде: сравнительно-исторический анализ: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1978.

Blecke T. Lexikalische Kategorien und grammatische Strukturen im Tigemaho. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Cobbinah A. Das morphologisch unmarkierte Passiv. Typologische Untersuchungen am Beispiel des Bambara. Magisterarbeit. Köln, 2007.

Creissels D. P-lability and radical P-alignment. Paper presented at the workshop 'Typology of labile verbs: Focus on Diachrony'. Aristotle University of Thessaloniki, 2009b.

Dwyer D.J. Mande // Bendor-Samuel, J., Hartell, R. L. (eds.). The Niger-Congo languages. A classification and description of Africa's largest language family. Lanham; N.Y.; L.: University press of America, 1989. P. 46–65.

Grégoire C. L'expression du passif en maninka // Didier L.G. (éd.). African Linguistics. Essays in memory of M.W.K. Semikenke. Studies in the Sciences of Language Series 6. Amsterdam; Philadelphia, 1985. P. 189–208.

Grégoire C. & de Halleux B. Etude lexicostatistique de quarante-trois langues et dialectes mandé. Africana Linguistica XI, Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale, Sciences Humaines 142. Tervuren, 1994. P. 53–71.

Haspelmath M. The grammaticization of passive morphology // Studies in language. 1990. Vol. 14 (1). P. 25–72.

Kastenholz R. Das Koranko. Ein Beitrag zur Erforschung der Nord-Mande-Sprachen. Dissertation. Köln, 1987.

Kastenholz R. Sprachgeschichte im West-Mande. Methoden und Rekonstruktionen. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1997.

Lüpke F. Vanishing voice — the morphologically zero-coded passive of Jalonke // Linguistische Berichte. 2007. Sonderheft 14, P. 173–191.

Nikitina T. Logophoric Discourse and First Person Reporting in Wan (West Africa) // Anthropological Linguistics. 2012. Vol. 54. No. 3. P. 280–301

Ydrine V. Mande family comparative etymological dictionary (Ms.)

Ydrine V. Manding-English Dictionary (Maninka, Bamana): Vol. 1: A, B, D-DAD, supplemented by some entries from subsequent volumes. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Ydrine V. On the problem of the Proto-Mande homeland [Вопросы языкового родства] // Journal of Language Relationship. 2009. No. 1. P. 107–142.

Welmers W.E. The Mande languages // Austin W. (eds.). Linguistic Language Studies: 9th round table meeting. Washington D.C.: Georgetown University, 1958. P. 9–24.